

Вспоминая Курбаннепесова

Керима

Category: Kitapcy, Ýatlamalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Вспоминая Керима Курбаннепесова ВСПОМИНАЯ КЕРИМА
КУРБАННЕПЕСОВА

Впервые с народным поэтом Туркменистана Керимом Курбаннепесовым мы повстречались где-то в ноябре 1985 года. Познакомил нас Микола Калинкович – мой земляк, белорус из брестского Лунинца. К тому времени Коля – офицер госбезопасности (по образованию – журналист, выпускник Белгосуниверситета), уже не жил в Ашхабаде, а учился в Москве, в аспирантуре Высшей школы КГБ. Но, как и в Беларуси, как и прежде, в Ашхабаде, и в Москве он по-прежнему оставался журналистом, писателем. К тому времени Коля уже издал несколько книг, две или три из них вышло в Туркменистане. Одна – о полесском периоде в судьбе Александра Блока (вышла в Минске). Много выступал в туркменской периодике – с очерками, документальными повестями. Был членом Союза писателей СССР. На писательском учете, хотя и уехал в Москву, оставался в Туркменистане. В Ашхабад приезжал для работы в архивах и чтобы обойти редакции газет и журналов, да и немногие туркменские издательства.

С Керимом Микола дружил, как мне и сейчас кажется, по настоящему, искренне, на всю широту своей белорусской, полесской души. Керим Курбаннепесов ко времени нашей с ним первой встречи был, пожалуй, самым известным, самым народным поэтом для всех туркменов. Да, в 1985 году Керим Курбаннепесов был на творческой работе. Перенес один или даже два инфаркта. А было-то ему всего лишь 56 лет... Был не только народным поэтом Туркменистана, лауреатом Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули, но и депутатом Верховного Совета Туркменской ССР, членом ЦК Коммунистической партии Туркменистана. А за плечами – работа в Союзе писателей

республики, работа главным редактором журнала “Совет эдебияты”. А главное – книги поэзии, многие публикации, изданные, вышедшие в Ашхабаде и Москве, других городах и странах.

Признаюсь, в первую встречу и я чувствовал себя скованно, и Керим-ага был как-то настороже, присматривался ко мне. Хотя в конце разговора, когда мы покидали гостеприимный дом по улице Карпинская, отчетливо произнес:

– Жду вас в гости, буду рад встретиться еще раз с симпатичным молодым человеком, – так и сказал.

... Но я приглашением долго не мог воспользоваться. И вовсе не из-за нехватки времени, скорее – по причине, что ощущалась скованность первой встречи.

А потом следующей весной (уже в 1986 году, где-то в марте) мы случайно встретились в редакции детского журнала “Корпе” (“Малыш”). В кабинете главного редактора – Каюма Тангрыкулиева, тоже – народного поэта Туркменистана.

Керим-ага, видно, собирался уже уходить. Или, может быть, пришел ненадолго, потому что был в куртке. Не зная, что мы знакомы, Каюм Тангрыкулиев начал представлять меня. Но Керим-ага остановил его, переуточнил только мою фамилию: мол, сложно выговаривается – и едва ли не по слогам проговорил: “Кар-лю-ке-вич...”. И следом заметил: “Надо так говорить – Карлюк, потом добавить –евич, – повернувшись к коллеге, продолжил. – Помнишь, есть под нашим Ашхабадом аул Карлюк. Название означает “черный”...”

И в редакции (размещалась она тогда на окраине Ашхабада в микрорайоне “Гаудан-В”, к удивлению Каюма Тангрыкулиева, считавшего, что я, молодой журналист солдатской многотиражной газеты, никого из писателей в Ашхабаде не знаю, Керим-ага спросил у меня, почему я не навестил его. Договорились, что в ближайшие день-два приеду. Так и случилось.

С той весны я стал навещать его едва ли не два-три раза в неделю. Каждая из встреч была для меня в радость, казалась своеобразным праздником на фоне обычной повседневной жизни. И сейчас, спустя многие годы (пишу эти строки в мае 2018 года), во мне по-прежнему живет ощущение этого праздника. Я даже

знаю, как его передать. Керим-ага стал тем человеком, который начал открывать для меня мир туркменской национальной литературы. Благодаря ему, поэту, страстно влюбленному в туркменское слово, я понял, кто такой Махтумкули, что значит его имя, что значат его произведения для туркмен. Керим-ага открыл для меня Курбанназара Эзизова, Мамеда Сеидова, он рассказал мне о поэтах, прозаиках старшего поколения, которые открывали художественный, национальный мир для него самого. Туркменский поэт рассказывал мне о своих поездках – в Литву, Финляндию, Сирию, Индию. О дружбе с русскими поэтами и переводчиками – Яковом Козловским, Наумом Гребневым, Олегом Дмитриевым, Юрием Гордиенко, о встречах с поэтами из разных стран и разных республик Советского Союза. Все казалось мне новым, незнакомым. Все разговоры были для меня лоскутками своеобразной карты литературного мира...

Со временем все встречи стали меня родником, настоящей животворной криницей увлечения национальными литературами, национальными литературами. По вечерам дома я писал письма в Беларусь. Переписывался с Максимом Танком, Пименом Панченком, Олегом Лойко, Сергеем Законниковым, Сергеем Панизником, Сергеем Новиком-Пеюном, другими поэтами и прозаиками, с критиками, литературоведами, краеведами Адамом Мальдзисом, Геннадием Кахановским, Геннадием Киселевым, Антоном Ярохиным, Брониславом Зубковским... А днем, отрывая от службы обеденные и вечерние часы, я с удовольствием, большой радостью общался с Керимом Курбаннепесовым.

В памяти – и его расспросы о поэзии Максима Богдановича. Он готовился переводить стихотворения белорусского классика для антологии “Ясное солнышко” (“Ачык асман”). Но тексты на русском языке живого туркменского классика не устроили. И что-то в переводе усмотрел самого Богдановича. И я с радостью предложил Кериму-ага сделать подстрочники. Правда, переводы Максима Богдановича на туркменский мой старший туркменский друг так и не сделал. В сентябре 1988 года туркменского поэта не стало... К тому времени я уже был на Кубе. И о трагедии всего туркменского народа, влюбленного в своего поэта, я узнал уже из сообщения в “Литературной газете”.

... Но другая история с попыткой перевода стихотворения белорусского поэта была более успешной. Речь о небольшой поэме народного поэта Беларуси Пимена Панченко “Поэма любви и ненависти”. Я впервые прочитал это произведение в “Нёмане” (в Ашхабаде я выписывал и “Нёман”, и другие белорусские журналы – “Маладосць”, “Полымя”, а еще газеты “Звязда”, “Голас Радзімы”) в переводе на русский язык Юрия Гордиенко. Сам и принёс этот номер “Нёмана” Кериму Курбаннепесову. Рассказал о том, что острое гражданское, посвященное разным белорусским общественным, национальным, социальным реалиям, произведение как никакое другое ярко отражает действительность моей родной республики. Керим-ага прочитал и только сказал: “Хорошо бы прочитать подстрочный перевод...” Через две-три недели мне прислали белорусскоязычную публикацию – кажется, из газеты “Літаратура і мастацтва” (“Литература и искусство”). Перевод подготовил буквально за ночь. А в обед (в нашей военной редакции газеты “За Родину” он был с двух до четырех) побежал на Карпинскую. И Керим-ага не медлил с переводом. Через какое-то время поэма появилась в газете “Эдебият ве сунгат” (“Литература и искусство”) – на газетном развороте, посвященном белорусской литературе. Были там еще перевод миниатюр Янки Брыля (их перевел поэт и литературный критик Какабай Курбанмурадов) и моя статья об энциклопедическом справочнике “Янка Купала”, его первом издании 1986 года, наверное, что-то еще – уже и не припомню что конкретно. Знаю, что перевод Керима Курбаннепесова заметили, поэту много звонили и благодарили за то, что поднял в ... своем произведении многие актуальные темы. Вот что значит сила настоящего, искреннего, идущего от души и сердца перевода!... Стихотворение белорусского мастера стихосложения, любимого и мной Пимена Панченко туркменский читатель воспринял как оригинальное произведение своего национального классика.

Каждая из встреч с Керимом Курбаннепесовым была для меня и своеобразным уроком открытия туркменского образа жизни, туркменского национального мира. И за то, что и сегодня, спустя многие годы, я “болею” Туркменистаном, по-прежнему интересуюсь этим восточным краем, этой прекрасной и богатой на

историю страной, я во многом благодарен замечательному художнику слова легендарному туркменскому поэту Кериму Курбаннепесову.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. Ýatlamalar